

Виктор БАЯНОВ

Машинист Иван Петрович

1

В колготливой деповской конторке
 Я, сказав себе: «Ну, не робей»,
 Подошел к нему после планерки,
 Перед первую сменой своей.
 И натужными начал словами,
 Будто что-то тяжелое нес:
 – Я окончил училище... с вами,
 Кочегарить на ваш паровоз...

По характеру, видно, молчальник,
 Он – ни звука, как речка зимой.
 Лишь кивнул мне мой новый начальник,
 Командир непосредственный мой.

Сухолицый, рябой, как воцина.
 Взгляд – воды ручейковой живеи.
 Волевая прямая морщина
 Жестко врезана между бровей.
 Руки в блесках веснушек – покойны.
 И при солнечных – в окна – лучах
 Серебром рассиялись погоны
 На его нешироких плечах.

Он пошел к паровозу. Я – следом.
 Шел и думал я думу одну,
 Что с таким неприветливым дедом
 Много лиха, наверно, хлебну.
 И, пока шли вдоль насыпи-ската,
 На меня, топотавшие в ряд,
 С сожаленьем смотрели ребята
 Из других паровозных бригад.

И один пересмешиник беспечный
 Положил на плечо мне ладонь,
 Сжал и вместо поддержки сердечной
 Только масла добавил в огонь.

Дескать, я ветеран здесь по стажу
 И тебе говорю наперед,
 Что со всеми в депо своем лажу,
 Лишь с Петровичем «мир не берет».

2

Не умел я как надо трудиться,
 Да робел перед дедом. А тот
 Понял сразу же, что я за птица,
 И, не мешкая, взял в оборот.
 Обмирала душа полевая
 От конфуза на каждом шагу;
 Я и уголь не так поливаю,
 И топить я совсем не могу.

Возле зева прожорливой топки,
 Под колесный скрежещущий стук,
 Я пьянел, как от выпитой стопки,
 Выпадала лопата из рук.

Пар «садился». Стихали колеса.
 А Петрович сердито сопел,
 Хмурил брови, поглядывал косо.
 А однажды ехидно запел:
 «Больше всех я знаю песен,
 Хорошо держу я пар.
 Я собою интересен
 И не стар.
 И не ста-ар.
 Многим девушкам известен –
 Кочегар».

Ох, невзвидел я белого света –
 «Плохи наши, парнице, дела».
 Паровозная песенка эта,
 Как пощечина, помнится, жгла.

После – бьюсь я у топки, бывало,
 Ну, а сам все на деда гляжу
 И креплюсь, чтоб не крикнуть в запале:
 Погоди, мол, еще докажу!
 Сачковать – у нас нет этой моды,
 Я не лодырь, не хлюпик какой –
 Рос в деревне в военные годы,
 С малых лет на работе мужской.

3

И пора мастерства наступила:
 Вынес. Выдюжил, взял высоту!
 И уже не обидно мне было
 Слушать песенку легкую ту.
 Черный дым по полям развевало.
 Путь свободен – зеленый горит.
 По подъему несемся, бывало, –
 Только с небом труба говорит!
 Мир широкий – певуч и отраден,
 Все отраднее день ото дня.
 А Петрович – ну, будь он неладен! –
 Снова косо глядит на меня.
 Мол, машина у нас не машина –
 Захламленный и грязный сарай.
 Дескать, вот тебе бак керосина,
 Ворох пакли и ветоши – драй!
 И безропотно я, безголосо,
 Основные освоив дела,
 Начищал шатуны, и колеса,
 И крутую обшивку котла.
 Драил я в озлобленье усталом,
 Драил, будто Петровичу в мечь.
 И стоял паровоз под составом –
 Обновленный и праздничный весь.
 Я уж бросить хотел, отказаться,
 Но сверкал паровоз наш в дыму
 Так, что мне на него, на красавца,
 Стало любо глядеть самому.
 Дед, бывало, ни слова не скажет,
 Тут же вновь паровоз обойдет –

То на скудную смазку укажет,
 То ослабиую гайку найдет.

Изводил меня, черт паровозный:
 Мол, другие подказок не ждут –
 За машинами смотрят серьезней,
 Экономнее топливо жгут.
 Обижаясь, утроив старанье,
 С каждым днем я все лучше топил,
 Начищал паровоз до сиянья,
 Ослабевшие гайки крепил.

Да, недлительный путь свой итожа,
 От рабочего первого дня,
 Все гадал: ну за что же, за что же
 Машинист мой не любит меня?

Ведь стараюсь же – соль на рубашке,
 Топку вижу я даже во сне.
 Но в ответ – ни единой поблажки,
 Ни минуточки отдыха мне.

Я терпел, но подумывал часто,
 Стариком доведенный до слез:
 «Вот возьму и пойду до начальства,
 Попрошусь на другой паровоз».

4

Но однажды – глазам не поверишь! –
 Почему – было мне невдомек,
 Взял Петрович мой чистую ветошь
 И подраить машину помог.

А узнал я причину подмоги
 Лишь тогда, когда с дальних путей
 Подошел к нам начальник дороги –
 Генерал наш со свитой своей.

Встал он, стройный, у бровочной кромки
 И сказал – то ль себе, то ли всем,
 По-отечески так и негромко,
 Мол, смотрите: мальчишка совсем.
 За плечо меня тронул степенно,
 На Петровича глянул в упор.
 – Ну, и как она, юная смена,
 Есть ли хватка, рабочий задор?

Дед зачем-то поправил фуражку,
Повернулся сердито ко мне.
И почувствовал я, как мурашки
По моей побежали спине.

Я подумал: не ездить нам парой,
Отработал нескладный юнец.
Если раньше терпел меня старый,
То теперь-то уж точно – конец.

А Петрович промолвил сурово:
– Кхе... парнишка –
крепчает в шагу,
И о нем, кроме доброго слова,
Ничего я сказать не могу.
Полагаю – не зря обучали.
По старанью – другим не ровня... –

Те слова для меня прозвучали,
Будто гром среди ясного дня.
Так ударила, так оглушила
Сверхнежданная та похвала,
Что не помню, когда от машины
Генеральская свита ушла.

5

И сегодня нехитрые строки
Я пишу с благодарной душой.
Где ты нынче, наставник мой строгий,
Научивший работе большой?
Где б твои ни легли километры,
Пусть тебе все оставшие дни
Дуют только попутные ветры
И зеленые светят огни.



● В Кемерове открыта детская железная дорога